

Журнальный Зал |
| Москва 2016

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6,4
Г 17

В оформлении книги использованы работы Олега Васильева «Туманное
утро. Покровский Бульвар»

Г 17
Гальбердштадт А.
Transit. Стихотворения / Анна Гальберштадт. — М.,
Вест-Консалтинг, 2016 — 100 с.

ISBN 978-5-91865__

transit

Анна Гальберштадт

© Гальберштадт А., 2016
© Гельман Ю., 2016
© Милорава Ю., 2016
© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, верстка, 2016

«...В этот день, серый и дождливый, Когда дождь хлещет по серым зданием
Как доминатрих толстого плачущего финансиста
На коленях Лижущего сапог Док Мартен с шипами Девчонки психопатки.»

Это просмотрено и взято с зоркой свежестью. Такая присуща снам и памяти детства. Яркое светлое депо, — поезда из которого выходят и идут через всю жизнь.

Иссохший грим старого Вильнюса, евразийский Вавилон — Москва, патриархальные изыски Европы, стальной и стеклянный наконецник копыа стремительного полета цивилизации — нью-йоркский Манхеттен.

Этой книге — дано соединить с языком и в динамике языка — описываемое, — восстановить живописно, пластически значально, — с предстоянием новизны, — и переходит в состояние образа подробность из кишения городского быта, впадаются в память людские характеры, как живые, а события устремляются к современному мифам.

Здесь мистическая струя американской школы, — убедительный контроль слова, лирика загадочного снижения без излишней иронии, и — драма в подтексте.

Верлибр Анны Гальберштадт — чист по стилю. Не условен, не хаотичен, как это пока, к сожалению, бывает почти всегда с верлибром, осваиваемым по-русски — не лихой эксперимент с обломками. Но ее верлибр — для читателя, — реабилитирован с волнующей очевидностью, так приходил в Россию свободный стих с лучшими переводами М. Зенкевича, И. Кашкина, И. Эренбурга, М. Кудинова и др.

Юрий Милорава

О, ГДЕ ЖЕ КРАСОТА В НАШЕЙ ЖИЗНИ?

Aaaah, All the lonely people,
where do they all come from?

*Eleanor Rigby,
The Beatles*

...В этот день, серый и дождливый,
Когда дождь хлещет по серым зданиям
Как доминатрих толстого плачущего финансиста
На коленях
Лижущего сапог Док Мартен с шипами
Девчонки психопатки.

Дождь плюется как юная садистка
Которая представляет себе
Что плюет в рожу папе
Суровому турку таксисту
Который всех юных американок
Которые губы красят помадой землистой
А ногти в цвет синий или зеленый
Носят колготки в дырах
И делают минет своим парням в автомобилях
Считает шлюхами.

Ах, где же прекрасное в нашей жизни
Где оно прячется от нас
Вот в такой день —
Дождь, копоть, грязь
Суставы ноют и мысли гложут
Об утерянных возможностях
Несостоявшихся романах
Мозг составляет каталог
Обид и попыток объяснений тщетных
И постыдного равнодушия друзей

И собственного нежелания иметь дело с сумасшедшими
За стенами собственного кабинета.

О, красота, где же ты?

И ты, богиня-кокетка розовоперстая

Желающая как юных дев, так и юношей

И ты, кудрявый обнаженный мальчик,

Стоящий на площади флорентийской

На берегу Арно

И ты — мраморная красавица с рукой ампутированной

Глазеешь в пространство слепым взглядом

Одна среди туристов с камерами

Посреди Лувра.

Куда же вы все исчезли?

И ты, любовь моя, с полу-седыми завитками

На лоб падающими

И ты, любимая подружка

Которая смеялась заразительно,

Любила бельгийский шоколад и берлинское печенье

И оставалась гостеприимной и великодушной

Даже на пороге смерти?

О, где же красота которая должна спасти мир,

В день страдания, страха, тревоги о будущем

В день ипохондриков и маниакально-депрессивных

Степнительных, страдающих от низкой самооценки,

Неуверенных в себе и просто некрасивых,

Дважды разведенных и брошенных любимыми

Наркоманов, алкоголиков, игроков,

Клептоманов, анорексиков и булимиков

Женщин тратящих все на шмотки

Пока мужья трахают их лучших друзей,

Секретарш и просто знакомых.

О, где же прекрасное в жизни вдов и вдовцов

Шестидесятипятилетних сирот

(когда мамы больше нет

Ты по прежнему ищешь ее совета)

Кто ж еще тебя попросит позвонить ей

Что ты приземлился благополучно?

Будет прислушиваться к шагам на лестнице поздно ночью

Чтобы потом уснуть спокойно?

О боже, где же твое милосердие и всепрощение

В жизни родителей детей спившихся

или от наркотиков погибших?

Где же ты, прекрасный ангел сияющий,

Почему не являешься, чтоб отвести руку Авраама с ножом?

О, где же прекрасное в нашей жизни,

когда мы больше всего в нем нуждаемся?

СВАДЬБА В ЧЕЛСИ

Челси,
Знойный августовский полдень
Прохожу мимо здания цвета свернувшейся крови,
Высокая акация с угловатыми ветвями
Заслоняет вид.
Католическая школа Святого Ксавьера
Церковь Святого Франциска Ксавьера
Внезапное дуновение знойных духов
Опережает цвета
Желтый ярко-розовый фиолетовый
Платя подруг невесты,
Длинная брюнетка в мини
Спускается, согнув колени колесом
С лестницы на каблучицах.
Католическая свадьба
Коренастые мужики
Похожие на ирландцев полицейских
В воскресных выходных костюмах
Жены блондинки в шалах из пашмины
На плечах округлых
Идут по направлению к банкетному залу
Улыбаясь
В ожидании первой Блади Мэри
Или коктейля Хайбол.
Я выросла в католическом городе
Где разные миры пересекались
Никогда гладко
Единственная брюнетка в море
Льняных блондинок,
Еврейский ребенок
Родившийся
Не более пяти лет после
Резни кровавой.

Как могу я просто
Наслаждаться ленивым знойным полднем,
Глазеть на свадебную процессию не вспоминаая?
В моем мире ты мог быть только одним из —
Литовцем, евреем, москалем, поляком.
Когда мне было лет пять
Мы с Альфредкой, моим дружкой литовским,
Само собой, оба считали себя русскими.
Наверное, в этом был какой-то смысл
В Вильнюсе, в конце пятидесятых.
Школа была миром где говорили на литовском.
Тонкий слой Советского
Прикрывал смесь ненависти к власти,
Национализм, немецкую казарменную дисциплину,
Католическое узколобие и неприятие,
Очень мало сострадания.
Господи, благослови Нью-Йорк за безразличие
Прохожих которым по хую
За возможность быть здесь кем угодно.
Тут не нужно пытаться залатывать пропасти
Пытаться сшивать разные миры друг с другом
Прятаться в крепости из книжек и фантазии.

В ВИЛЬНЮСЕ ЛЕТОМ ОЧЕНЬ ПРИЯТНО

...Там прохладно
Кафе и пивные в монастырских дворах
Где пьют Швигулис
Заеда моченым горохом
С беконом в количестве способном
Отштукатурить сосуды у Шварценегера.
Никакой позолоты
Такая романтическая руина
Где со стен ободраны верхние слои
И под ними вывеска, к примеру, керосинной лавки
На польском или идиш.
На улице Страшно время движется в обратную сторону
Как на идиш буквы
Которые читаются справа налево,
Наоборот.
Когда я прохожу мимо двора где живет
американский поэт Керри
Мне видится лестница у которой на меня напала
Злая собака когда мне было года четыре.
Она вероятно помнила,
Мне это рассказывала Рахиль Кастаньян,
Директриса Зеленого дома-музея,
Как во время войны
Когда ей было лет тринадцать
Во время облав
Немцы евреев запирали в этих
Трубообразных дворах
И солдаты с овчарками стояли у входа.
Во дворе по прежнему
Горшки с душистым горошком и геранью
В окнах
На подоконнике кошка ленивая
В черных пятнах на солнышке дремлет

Правда, что изменилось
Так это иномарки
Запаркованные на брусчатке
Простыни на веревке сушатся
Перед покосившимся сараем
На деревянных ступеньках сидит
С сигаретой слегка
Принявшая на грудь дама
И говорит мне
Вы кого тут ищите
Никого ведь нет дома
Правда
Ничего ведь тут не изменилось
За последние лет сто двадцать.

ОДА НЬЮ-ЙОРКУ

Этот город
Куда не приехала я ребенком
Но единственный ставший мне домом
Июльская жара превращающая мозг в студень
Город мой нестерильный, несуразный и не показушный
Воскресные мешки с мусором на тротуарах
Ждущие утренней уборки
Местные жители в небрежно натянутых
Мятых майках и шортах с дырками
Красотки с не намазанными в уикенд лицами
Прогуливающие своих терьеров и пуделей
Толстый бородач в клетчатой рубашке
Похожий на раннего амиша-переселенца
На скутере.
Твои обитатели
Это смесь рас, полов и транс-национальностей
Молчаливые англо-саксы
Жестикулирующие латинос
Громко галдящие славяне.
Безумный трафик
Водители лениво матерятся
Но все же, как в Москве, не ездят по обочинам и
тротуарам.
Ньюйорк, тебя как человеческий зародыш
Окружают соленые океанские воды
Не сверкающие на июльском солнце лазурью
Как Средиземное море.
Баржа из Баттери Парка медленно переползает
В Стейтен Айленд
Туристы полные пива щелкают тетеньку с факелом
Обещавшую приютить
Всех голодных и усталых
И тех, кто жаждет дышать свободно.

Эллис Айленд, где туберкулезные
Евреи, ирландцы и поляки
Изнывали в ожидании виз на сушу
От бездушных бюрократов.
Элегантные с белыми крыльями-парусами яхты
Проплывают под конструктивистскими мостами.
Вечером мой любимый Крайслер Билдинг
Превратится в бриллиантовую брошку
В стиле арт-деко
На Вашингтон Сквере пианист
Будет играть Бетховена
На выкаченном в парк рояле
Пары на скамейках под старыми
Деревьями будут слушать
За руки держась.

ВИЛЬНЮС

...Город юности моей
туманный аквариум
где сквозь воду просвечивают
готика и барокко
медленно колышутся листья
на мощенных булыжником
кривых переулках
кружевная ювелирка готических игл
Святой Анны
которая так нравилась Наполеону.
Старый песочный замок на холме над рекою
обрывки разговоров на идиш на улицах
смесь мягких польских и литовских гласных
сине-зеленые клеенки с нарисованными русалками
и голубями несущими в клювах
письма павшим солдатам на старом рынке.
Город сорока церквей, ста синагог
и иезуитских дворов
чердак старого дома
где я выросла
там ветер раздувает простыни
сохнувшие на веревках и замшевую пыль
со следами кошачьих лапок.
Вокруг Зеленые озера
полные утонувших школьников и раков.
Исчезнувшие люди, умолкнувшие голоса,
запахи жаркого и наполеонов тети Иды
звуки застольной «Ло мир иден, ин эйнем ин эйнем...»
Мама танцующая под звуки» Бесса ме муччо».
Итальянский город
построенный на севере по ошибке
ларчик, где ностальгия хранится,
смытый волной.

ТАК БЫВАЕТ ТОЛЬКО ВПЕРВЫЕ

Так бывает только впервые
В семнадцать
Ты влюбляешься как полная дура
Раскрываешь все сердце нарастающую
Бесстрашно.
У тебя от волнения текут слезы
В телефонной будке
Когда ты говоришь с ним по телефону
Или вспоминаешь
Как вы болтали и целовались
У родительских друзей на
Московской кухне,
Когда ты слушаешь на ленте
Запись любимой музыки присланную
Им тебе по почте.
И его голос с легким заиканием
Заставляет тебя искать его
В другом мужчине
На годы позже.
В этот раз ты точно знаешь
Ничего хорошего не будет
У тебя есть муж уже
И он неверен
И замуж выходить за него
Было блажью
Ты говоришь ему
Пошла к соседу
Парню который говорит
С той же паузой едва заметной между словами.
Смазливый сын совкового дипломата
Не слишком умный
Любящий выпить
Собирает фирменных плакатов

Из ни к чему негодной золотой молодежи.
У него на животе шрам от того раза
Когда он чего то там наглotalся.
Увы и ах,
Должна признаться, что, несмотря
На бессмысленность происходящего,
Я тебя любить не переставала
Все те московские годы.
Просто жизнь продолжалась
И я жила
Как партизанка Космодемьянская
Молча и
Стиснув зубы.

РИМ, НОЯБРЬ 1979 ГОДА

Нас посадили в автобусы в Вене ночью за несколько часов до рассвета и всю дорогу мы глядели на эти загадочные покрытые дымкой пейзажи как будто взятые с задников картин Кватроченто. Туман рассеивался постепенно пока свет не залил все это — холмы и кривые пинии вдоль дороги. Я никогда не подозревала что пейзажи эти были настоящие а не плоды воображения художников.

Гостиница на Via Flaminia, в пригороде Рима звалась Пансион Фламинго вокруг деревья голые стояли плоды хурмы оранжевые висели как фонари на ветках.

Утром иммигранты собрались на завтрак кофе с пустыми внутри белыми итальянскими булками к которым подавали масло и джем. За нашим столиком иммигрант из Одессы вытащил из портфеля копченую колбасу и розовую ветчину.

Во время нашей поездки в ХИАС пока в автобусе представители итальянского рабочего класса коллективно лапали русских баб мы проехали мимо руин Коллизея где сотни бездомных котов и кошек уютно грелись на солнышке.

Позже в этот же день мы шли по Виа дель Корсо до Пьяцца ди Треви дома были окрашены в оттенки роскошной кожи некоторые потемневшие и с облупившейся краской как старые, руками сшитые из лайки, перчатки.

В каждой лавке крутили пластинку Пинк Флойда The Wall

сквозь открытые двери звуки плыли и выстукивали ритм на стенах.

Итальянцы в пиджаках кашемировых в шарфах, перекинутых через одно плечо, гуляли с дамами в шубках и меховых манто, одетых для понта несмотря на бархатную погоду.

В груди моей какой то дикий цветочек похоже, раскрывался потихоньку, и каждый лепесток был как бы долей легкого которое воздухом свободным наполнялось и расправлялось ежеминутно.

ВЕНА

Саше

Все казалось необыкновенным на борту самолета Аэрофлота в нашу первую поездку за границу — бутербродики с икрой, шампанское блестящие ножи и вилочки металлические как бы детского размера, невероятно приветливые стюардессы которые обращались к нам Netten und Damen, то бишь господа и дамы. Венский аэропорт напугал моего сынишку не на шутку девятилетний, он спросил меня робко Мама, а Австрия не капиталистическая страна случайно? Он просидел на чемодане тихонько как испуганный заяц поглядывая искоса на охранников с автоматами Узи во время нашей торжественной встречи где во главе встречающих небритый израильтянин в кожанке комиссарской нас приветствовал. Отельчик на окраине назывался Gruner что то то ли ворота, то ли лес, и мокрое шоссе с стеной из валунов огромных напомнило мне города балтийские моего детства — зеленые, серые, дождливые... Наше такси был черный Мерседес он произвел на сынишку впечатление в письме своему дедушке приемному Мих Миху он описал поездку и преимущества сверкающего автомобиля перед старым драндулетом Мишиным. Я помню старую картину маслянную

над гигантской продавленной кровати
 которую мы делили с сыном
 в соседней комнате того же номера
 поселилась другая пара — Рая
 с двадцатилетней дочерью Юлькой.
 Иммигрантские дети играли в прятки
 в пыльных коридорах
 в то время как проститутки
 поднимались с клиентами
 из ООН третьего мира на пятый этаж.
 Наш первый поход в продовольственную лавку
 с валютой которой не хватило бы
 даже на чашку кофе со штруделем
 в приличном кафе
 оказался забываемым.
 Мы застыли при виде этих сакральных объектов:
 изумительных фруктов в бумажных обертках
 уорхолских банок томатного супа, фаллических бананов
 без пятнышка или царапинки,
 ломтиков вестфальской ветчины царской
 как крестьянские дети подглядывающие из за полу-
 открытой двери
 на елку и стол праздничный в доме барском.

ПРОЩАНИЕ

В. Ч.

Сквозь времени туман
 еле просвечивают виды детства
 сосновые леса и пляжик на реке
 под Вильнюсом
 где я впервые училась плавать.
 Тоскливые вокзальные гудки
 родителей фигурки отдаляющиеся
 на платформе ночного поезда
 В Москву.
 Я еле различаю нас с тобой
 силуэты пары молодой
 оба в черных свитерах с воротом
 под горло
 в спальном вагоне.
 Пьют чай из стаканов тонких
 в медных подстаканниках с гербами
 держатся за руки
 еще не зная имени младенца
 пока свернувшегося в утробе почти невинной
 матери студентки.
 Дым десятилетий глаза мне застилает
 еле видны сугробы
 обои вышедшие из моды на стенах
 московской квартиры нашей
 кот Гришка греется на ковре
 В круге света
 Падающего из торшера.
 Ты потом вернулся туда один
 когда я сворачивала в подземный переход
 Шереметьево
 который разделит нас с тобой

и сына моего с отцом разлучит.
А я тебя запомню навсегда
случайно выйдя не туда, где для советских граждан
а на балкон для иностранцев
рыдающим
сжимающим в руках с костяшками
побелевшими от напряжения
синюю вязаную шапку лыжную.

ТРАНЗИТ

Нью Джерси Транзит
автобус Нью-Йорк-Монтвейл
проезжает мимо зеленой стены из деревьев
летающих навстречу,
мимо кладбища,
мимо странного растения с желтой каемкой
по краю листьев
у железнодорожной станции.
Муж сидящий рядом говорит мне
жизнь пролетела
за несколько мгновений.
Прошла мимо, ушла куда то, в каком направлении?
Куда девается время
спросил Эйнштейн,
деревья у школы в Хантингтоне
выглядят древними
не менее старыми
чем Нью Йорк
которому на несколько лет больше чем
Санкт Петербургу,
во что русским
почти невозможно поверить.
Я думала что юбилей
в честь семидесяти пятилетия хозяйки
будет тоскливым.
Двадцать два русских и один
почетный член-туземец
ирландец, бойфренд Галины Фрэнк.
А он ничего не имел против
чтоб его оставили в покое, не считая
нескольких вежливых попыток гостей
обращаться
к нему на английском.

Раз в год он может себе позволить
выпить как следует
и Галина не бьет его ногой по лодыжке.
Женщина с огромными дынями
в низко вырезанной блузке
читала стихи хорошо поставленным голосом
актрисы обученной в школе Станиславского.
Гости пели Советские песни и что то на идиш
и режиссер документалист когда то получивший
приз в Каннах
показал нам коллаж из фотографий.
На одной из них, на экране телевизора,
я узнала себя с мужем,
недавно поженившихся, моложе и лучше, кажется,
улыбающихся, глядящих с надеждой
в новое тысячелетие
еще из за той стороны порога.

В ВЕНЕЦИИ

...Вода очень синяя
Потом розовая во время заката
Потом почти черная
С лентами лунного света
Мерцающими в лагуне.
Арки мостов
Перекинуты над каналами
Как темнеет
Палаццо освещаются
В окнах свет серебряный и фиолетовый.
Толпы Биеннале
Развозят по отелям
Женщины в шелковых и атласных вечерних платьях
Мужчины с напомаженными волосами
Платками в нагрудных карманах
Темных пиджаков
Садятся в водные такси и гондолы.
Вода освещенная фонарями
В постоянном движении
Среди эстетично разрушающихся стен.
Руины же всегда статичны
Они сопротивляются бегу времени
Декадентскому тлению...
Выставка в павильоне Венесуэлы-
Мастурбирующий мальчик
Спящий с мамой
Труп со огромной эрекцией
Летучие мыши, моль прозрачная и змеи
Приторный запах смерти.
Призраки древнего города
Заплесневелые стены каналов
Палаццо мавританские
Кастраты поют Перголези и Глюка

Под потолком расписанным Тьеполо
 с летящими фигурами.
 На следующее утро
 в литовском павильоне
 Выставка молодого художника
 Ровесника моего сына
 Артефакты советского времени
 В выставочном зале.
 На стене рисунки его матери
 Фарфоровые фигурки из моего детства
 Советская литовская энциклопедия
 С заметкой о моем отце в главе
 Посвященной науке.
 Патриотизм без национализма – дерьмо
 По мнению художника.
 В видео он мажет лицо
 шоколадной краской
 Потом стирает ее флагом довоенной Литвы.
 Национализм плавно переходит
 В фашизм
 Когда малочисленный народ
 Озабоченный сохранением своей культуры
 Начинает исключать всех остальных
 Иногда до полного их истребления.
 Я ухожу
 Потом гляжу на потоки ливня
 Льющиеся на желтый навес
 Над кафе на Пьяцца Санта Маргарита
 Капли стучат по мостовой
 Давящий дневной зной
 Растворяется
 Воздух благоухает свежестью
 Как роса на европейских
 ароматных розах.

ПИСЬМО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Cherie,
 Ностальгия заставила меня вернуться
 За морем житье не худо
 Венеция тихо тонет
 Плесень поедает фрески
 Башня Пизанская медленно падает
 Смотреть там все равно
 больше не на что
 Ускорение свободного падения
 по-прежнему 9,5 m/s² в секунду
 В Вероне все спокойно
 А детей нет
 Они давно спят
 Везувий и Этна тоже спят
 В Неапольском музее
 Святой Марк со львом
 Скучают
 В Помпее мужчины по прежнему
 выпрыгивают из окон
 А женщины прикрывают собой детей
 Амфитеатр пуст
 Публику засыпало пеплом.
 Туристы тупо глазенут на эротические фрески
 В Villa dei Misteri.
 В Венской опере не дают Парсифаль
 Но в буфете дают яблочный штрудель
 В пивных пьют вайсбеер
 из толстых пивных кружек.
 В старом зоопарке
 Грустная горилла с младенцем рисует мелом.
 В Польше продают сады
 Яблоки никто не поднимает с земли.
 В Кракове

в еврейском ресторане

Два американца в ермолках

Обсуждают генеалогическое древо

Шпильбергов.

В Вильносе есть еврейские музеи

Но нет евреев

Цепелины с грибной подливкой

в лучшем ресторане

Не сравнить с цепелинами тети Иды.

В Москве златоголовой

Сверкают позолотой купола в центре

Вечные пробки в любое время года

В Парке Кульгуры

Разбиты грабки поникших на солнце

Белых пионов

Пионеры с горнами исчезли,

Вместо них открыли кафе

С полосатыми шезлонгами

И музей непонятного народу

Современного искусства.

Забыл сказать

Что за границей женщины неженственны

И не так красивы

как наши русские

В декольте

На каблуках и в коротких юбках

ПРОСТО И ПОНЯТНО

В отношениях наших мы менялись ролями.

Вначале я была чужестранкой

лишь несколько месяцев тут.

Я не знала, что грибы можно есть сырыми.

На английском язык спотыкался

Flat вместо apartment

о согласные

как об кустарно слепленные коронки

во рту.

Я отказывалась носить уродливые

американские кеды.

Ты считал, что кормить меня

французской едой было пустой тратой денег.

Мы пытались не относиться

друг к другу серьезно

Ты боялся ответственности

а я только что выбралась на свет

из туннеля темного

под названием

иммиграция тире развод.

Ты был моим гидом

королем Вилледжа

обитателем квартиры на Пятой Аvenues

еврейским мальчиком из Саннисайда

В Квинсе, иммигрировавшим в даунтаун.

У тебя был тайный ключ

к воротам, за которыми открывались

улицы браунстоунов

полные незнакомых деревьев в цвету

и свежего воздуха

который я жадно вдыхала

как приходящий в себя

еще полу-коматозный больной.

Впервые мне попадались собаки
не убегающие в страхе
коты, лениво развалившиеся на ступеньках.
Ты позволял мне таскать тебя по джазовым клубам.
я с удивлением обнаружила
что даже образованные американцы
часто не любят «черную» музыку.
Ты был терпеливым
Каким же даром была
была возможность
лежать с головой на твоих коленях
после измочаливающих поездок
из клиники в Кони Айленд.
Через много лет
ты позвал на помощь
и я бросилась спасать тебя
вопреки здравому
или какому либо смыслу.
Помогла тебе встать на ноги
и отпустила
когда больше не спотыкался.
В конце концов
мы перестали делать вид
что что либо было важней
нас с тобою.
Уравнение было простым
супер понятным
жизнь которая не сложилась
а могла бы
И смерть
которая сделала все по плану.

ПРОГУЛКА В ОДИНОЧЕСТВЕ ПО СТАРОМУ АРБАТУ

В Москве Арт Деко
обычно под землей.
Серые и цвета охры
симметричные вееры из мрамора
изображающие парашюты
на стенах станции метро Аэропорт.
Прыщавые подростки в джинсах в обтяжку
на тонких как макароны ножках
хихикают.
Пухлая девица с волосами в черную
как у енота полоску
промеж пероксидальных прядей
глядит с надеждой в глаза ее
бритоголового парня-брата
обнимающего ее за талию
огромными красными лапами

Москва изменилась бесповоротно
необъяснимо
За последние двадцать лет
Просторные холлы нового аэропорта
в Шереметьево
пещерообразные кафе где подают дабл капучино
рекламы клиник пластической хирургии
для элитной публики на стенах
Иномарки припаркованы вдоль каждого переулка
на Старом Арбате.
Скульптура Окуджавы входящего в ворота
больше натурального размера
и он меньше похож на осетина
любимый бард
провозгласивший Арбат своим отечеством
его песни как капли дождя в пейзаже выжженном

шестидесятих и семидесятих.
Я помню тот майский день
мы бродили по переулкам
листали старые книги на прилавках
останавливались поглазеть на экзотических рыбок и
черепах
в зоологической лавке
присаживались перекурить во двореке.
Ты тогда заплакал и сказал мне
что я никогда не буду тебя любить
как когда-то любила Колю
моего первого парня
(как оказалось впоследствии
ты был прав)
Но тогда я хотела любить тебя
твои слезы подарок
как соловьиная песня
у постели умирающего китайского императора
в любимой сказке.

Я вернулась
мы снова оба в этом городе
в разных концах его
как два корабля салютующие
и проплывающие мимо друг друга
еще раз.
в ночи.

ЗАГЛЯДЫВАЯ СНАРУЖИ

Однажды до тебя доходит
что ты жила в доме, где было лишь одно окно
и каждый день ты видела один и тот же вид:
дерево, стена, плакат приклеенный к стене.
Через много лет ты впервые увидишь
этот дом снаружи.

Ты заметишь что в доме были другие окна
но они были закрыты ставнями

Что дерево, которое ты видела в окне
было частью сада

что за стеной с плакатом был монастырь.

Что улица, по которой ты каждый день ходила в школу,
хранила много тайн

которые не открывались тебе

пока ты жила в стране теней.

В доме было много секретных уголков и щелей.

В гостиной, в старинной печке, покрытой зеленым
кафелем

был пепел сожженных книг,

среди них — библии и гитлеровской *Mein Kampf*.

На кухне за раковиной была высохшая мышь
попавшаяся в мышеловку,

Трусики с запекшимися пятнами крови были забыты

под скрипящей кроватью в маленькой спальне

с платяным шкафом, где книги были перемешаны

с обувью

на нижней полке.

Синяя шляпа с страусиным пером пылилась на шкафу.

Крепдешиновое платье в горошек с круглым воротничком
висело на плечиках.

духи с ароматом сирени и жасмина выдыхались

из неплотно закрытого хрустального флакона

с позолоченной пробкой,

ИЗ ПИСЕМ В РОССИЮ

пожелтевшие фотографии молодых женщин
в больших шляпах
и длинных юбках
и офицеров в белых формах щурящихся на солнце
были порваны злой женщиной
потому что они принадлежали первой жене ее мужа.
Кота, принадлежавшего его сыну, увезли в деревню
и бросили там в лесу.
Мужу было сказано, что кот убежал,
несмотря на то, что коту было семнадцать лет.
Теперь я знаю, что мир за пределами моего дома
был разноцветный и шумный.
Люди снаружи — всех национальностей и рас.
Они носят элегантную одежду или раздеваются
почти догола летом
они смеются, разговаривают друг с другом,
не озираясь по сторонам в страхе
что кто то подслушает.
Некоторые из них стройны и красивы
некоторые неуклюжи или невзрачны
но все они двигаются свободно
как звери на воле,
а не как грустные шимпанзе
и озлобленные медведи,
не как нервные волки и летаргические тигры,
и не так, как депрессивная горилла с детенышем,
которая рисовала акварелью в Венском зоопарке.

Cher Nicolas

Ты пишешь мне, что сидишь
В Опалихе, и мучаешься промахами марксистов
прозевавших развал социализма
утопического,
республики игрушечные стали независимыми
русские в Эстонии и Латвии забывают русский
но пиво и сосиски от этого не стали хуже,
в реальности сегодняшней идеология свелась к
национализму,
но балтийские официанты и таксисты
по прежнему лопочут на всех известных им наречиях,
включая оба имперских языка,
жить то ведь надо, а цены и курс евро не способствуют..
В солнечном Лондоне уж осень полным ходом
надвигается
дети в школьных формах после уроков
плятятся в экраны телефонов
и чипсами на улице хрустят.
В Тейт Галлери великий Тернер поражает светотенью,
Данте Габрель Розетти портретами
Елизаветы Сиддал,
жены-модистки,
в последствии ставшей поэтессой и художницей
а ты сидишь с очками на носу
и осенью в душе,
пишешь статьи на темы квантовой механики
и нео-прото-социализма
для круга узкого специалистов
с зашкалившим IQ.
Куда там Жижку с его фрейд-марксизмом!

Я видела гостиную в призрачном утреннем свете
а может, уже смеркалось,
дверь в ванную была полуоткрыта
и свет оттуда проникал сквозь щель
между стеной и дверью...

Тамара Петровна в голубом халате, нечесаная,
бродила по комнате
ко мне спиной.

Я судорожно рылась в платяном шкафу пытаясь разыскать
хоть что то, чтобы одеть на моего сынишку —
вдруг оказалось, что он вырос из старого халата.

Вздохнула с облегчением

когда нашла свеже-поглаженный и аккуратно сложенный
махровый халатик серый
на вид побольше

впору даже на десятилетнего ребенка,

проснулась со слезами на глазах и ощущеньем счастья.

И тут я поняла, что стою на берегу реки,

мой сын, уже мужчина взрослый, с бородкой,
стоит в лодке

и борется с течением мощным своей жизни.

Я крикнула ему, рукою помахала.

Он тоже помахал мне,

но я знала, что он меня не слышал,

крик мой был шумом ветра заглушен.

Я в аудитории Дома Учителя
на поэтическом семинаре
через дорогу от моей старой школы в Вильнюсе —
Саломейки,
названной в честь поэтессы символистки
Саломеи Нерис.
Ее скульптурное лицо у входа в школу
выглядит грустным.

Она приветствовала Советскую власть в Литве
потом об этом горько сожалела.

Aš turiu parašyti eilėraščių.

Мне нужно написать стихотворение.

Кто то в классе вдруг заговорил о смерти — чей-то
профессор
скончался прямо в классе
после лекции.

Я внезапно вспоминаю — я тут была уже на похоронах
моего учителя музыки.

Белые цветы.

Мне было не больше десяти.

Eilėraščių nesirašo.

Стихотворение не пишется.

Кристина говорит мне, что фамилия
нашего любимого учителя была Вилкончюс.
Он разбил на мотоцикле вместе со
своим семилетним сыном.

Первая смерть хорошо знакомого мне человека.
Похоронный марш Шопена.

Kaір aļ galіu ģia būti?

Как я могу здесь находиться?

Я вижу фасад барочной церкви святой Котрины
через окно.

Справа вытянутое в длину здание школы в
модернистском, как его называли в шестидесятые,
стиле Аалто.

В нескольких кварталах от школы
памятник Адаму Мицкевичу все там же, в сквере.
Бедный Адам, он все никак не решит
великий ли он литовский поэт
или польский писатель,
написавший «О Литва, отчизна моя»
по польски.

Aļ maņaи, kad uļmīršau tā kalbā!

Я думала, что я забыла этот язык!

За церковью была лестница
ведущая в монастырский сад,
с довоенными яблонями,
ароматными кустами черной и красной смородины
песчаными дорожками
по которым мы гуляли
на школьных переменах
и катались на лыжах на уроках физкультуры.

Tu prīsmeni tas vienuoles?

Ты помнишь этих монашек?

Тайные монашки в гражданской одежде
ухаживали за садом.

Криста, ты помнишь вечера дружбы
в нашей школе?

Мы декламировали стихи Лермонтова и Пушкина

а дети из русской школы
читали стихи на литовском.

А после — колоссальные драки в снегу,
Вильюс — это город дружбы.

Kaір aļ galіu ģia būti?

Как я могу здесь находиться?

После класса я прохожу дворами
к дому на Пилимо.

Церковь во дворе, через который я ходила
в школу каждый день,
стала действующей.

Ее использовали под склад в Советское время.
Йонас говорит мне — у стены этой барочной церкви
первая жертва Холокоста, еврейка,
была расстреляна в сорок первом
вместе с несколькими коммунистами.

Kodēl ar ģimīиu šіame mіeste?

Зачем я родилась в этом городе?

Моих тетушек больше нет, кузины и кузины
разбросаны по свету
они в Москве, Мельбурне, Бер-шеве.
Юности друзья растеряны после
стольких скитаний.

Дом, где я выросла, он здесь,
но я тут никого не знаю больше,
и меня никто не знает тоже.

Мои одноклассницы литовки
сегодня пригласили меня на ужин
и подарили белые цветы.

Криста спрашивает,
почему в моих стихах так много грусти.

Aš Ćia neražistu nieko!
Я никого тут не знаю!

Я вспоминаю Вильнюс зимою
Белый пейзаж в сумерках до сих пор
трогает бесконечно,
Красные черепичные крыши, черные кресты на куполах
церквей,
обледеневшие улочки с булыжными мостовыми,
названные по именам католических орденов.
Белый подсвечник Чюрлиониса с пламенем
в окошке, мерцающим под звуки его De Profundis.
Белый снег застилает грязь и красные пятна крови
до прихода весны.

Litwo! Ojczyzno moja!
Литва, Родина моя!

Я возвращаюсь в гостиницу на Йогайлос с Гедимино,
как называлась эта улица до независимости?

Тут по правую руку была кондитерская

Где мы с мамой мы покупали кофейные зерна

и бисквитные пирожные

пропитанные ромом.

Вместо кинотеатра Кроника передо мною

банк и офис компании по торговле недвижимостью.

А рядом теперь, я вижу, еврейский общинный центр.

Когда я жила здесь, их не было. Но были евреи.

Ćia nieko nėra!
Никого здесь нет!

Вид улицы ночной, печальной и пустой,
сжимает горло.

Я поворачиваю влево, чтобы не пересекать тот сквер,
где я фотографировалась с папой

после окончания восьмого класса.
А синагога старая с небом голубым и облаками белыми
на потолке,
открыта ли она еще?
Мама заказывала там кадиш по погибшим родственникам.
Можно мне заказать там кадиш по моему детству?

ИЗ ЖИЗНИ ПОЭТА

Хотелось бы мне написать нечто
супер-изысканное
в привычном русскому уху
пятистопном ямбе,
или хоть перевести Пушкина на привычный
для греков гекзаметр.
Увы, не получится это, хотя однажды Донелайтис
написал Метай — Времена Года, по литовски
гекзаметром,
считается, вполне удачно.
А мне нравится Аллен Гинзберг
Как и Гомер, в гробу он видел вашу рифму.
Он курил траву, подвывал,
аккомпанировал себе на своем ксилофоне.
Однажды он пришел в школу
для способных и одаренных,
там мой сын учился в те годы,
и попев гениально, сказал им — дети,
крек — это очень плохой наркотик
курите вы чтонибудь получше.

ТИШИНА

Прикрой на минуту глаза
представь уединенное место на берегу
поросшее травами
ступай на острые ракушки в прохладной воде
иногда слышишь удивленные возгласы птицы — кто, что?
Йодистый бриз с моря колыхнет волосы на затылке,
или — наоборот
молча стоишь перед «Ночным Дозором»
или прислушиваешься к движению божьей коровки
переползающей лист тюльпана
в голландском натюрморте.

Я ВЕЧНЫЙ ЖИД

Я вечный жид,
а точнее, я — Русская Американская Литовская еврейка.
Теперь я забываю слова не на одном, а на трех языках.
Пятиэтажный дом моего прадеда все еще стоит на
Наугардуко.
Я выросла за углом от него, в коммуналке на Пилимо.

Могила дедушки погребена под осколками мрамора
и пивными банками на каунасском еврейском кладбище.
Похоже, погром можно устроить и против мертвых евреев
ведь живых в этой части света уже не осталось.

Моя первая любовь, полу-татарин вундеркинд Коля
наверное, строит военные самолеты где нибудь в
Подмосковье
или в технилице читает лекции по квантовой механике
оставив юношеские гуманитарные мечтания.

Первый муж Слава, слегка побитый жизнью любитель
джаза
с сединой в висках, все курит невзирая на проблемы с
сердцем
в нескольких кварталах от новостроек где мы поселились
в семидесятые, на Югозападе от центра.
Он продолжает слушать все те же записи Колтрейна
только жена его выходит в кухню на третьем такте
и нашего кота там больше нет.

Я вечный жид, психолог, психотерапевт, говорящий как-то
на трех языках,
поэтесса.
Мой город детства Вильнюс
может быть, хранит следы

моих походов в школу через готические дворы
домой к моей учительнице музыки на Басанавичюс
и на факультет естественных наук университета
где мой отец преподавал.

Средневековые корридоры впитали запах формалина
которым папа усыплял лягушек в банке
в его лаборатории.

В зоологическом музее хранилась
гигантская челюсть кита

возможно, она там еще лежит
и бабочки бразильские на стенках
по прежнему фосфоризируют во тьме.

Я блуждающая шолом-алейхемовская звезда —
ведь эти звезды зажигаются в пути от континента к
континенту
и гаснут

но тоненькая нитка траектории мерцает в темном небе
несколько секунд.

ANESTHESIA DOLOROSA

День — пятно
чернила сливаются в одно.
В офис, на почту
в гипер или супер-маркет
на фермерский базарчик
в аптеку, где можно купить все необходимое
на что бы глаза мои не глядели.
Нет ни минуты, чтоб остановиться
и прислушаться к тому что
деревья в парке шепчут друг другу
под холодным ветром.
Музыка — нет времени для тебя тоже
кроме тех минут, когда утром делаешь растяжку
или сушишь волосы под феном
шум которого смешивается с джазом или Шопеном.
Разве так должны мы тратить единственную драгоценную
монету —
дни нашей жизни?
День — чернильное пятно,
чувствуешь себя перебученным говорящим попугаем.
Какая скука это — разбирать счета неоплаченные
пациентом.
Времени нет, чтобы подумать о том — зачем,
о том, что если бы, то чтобы было
а если бы не это, а то случилось, то как могла бы судьба...
и трагата...
Меня когда то учили тому
что видеть все как бы сквозь стекло
является симптомом синдрома депрессивного
который раньше называли горестным наркозом
а на латыни — *anesthesia dolorosa*.

МЕЖДУ ПРАЗДНИКАМИ РОШ ХАШАНА И ЙОМ КИПТУР

Соне Зельдиной

Небо серое
как занавеска
вокруг большой койки.
Что происходит за ней
всегда таинственно.
«...жизнь человека как
тень от сухой травы...»
Неделя еврейских праздников
На Сорок Седьмой улице
Витрины лавок, в основном, пусты,
ювелиры отсутствуют.
Похоже, что слово
Jewelry произошло от слова Jew.
Евреи производят хорошенкую Jew-велирку
чтобы навешивать на уши, шеи, руки.
Я часто вижу шестиконечную звезду
На старинных шотландских украшениях
саму по себе
или вместе с мальтийским крестом.
Это задолго до желтой шестиконечной звезды.
Моя подруга Соня мужественно несет свой крест
двадцать лет
живя с раком
и последние семь — от него погибая.

СВИДАНИЕ

Я не запомнила сон
но проснулась счастливой
потому что ты был еще живой.
По прежнему больной смертельно
но все же
время оставалось
нам сказать — прощай.
Не знаю
что бы это изменило.
Ведь мы с тобой навеки расставались
и ты
я помню
всегда любил пускаться в путешествия
один

МОИ МУЖЧИНЫ

Мужчина который живет в моей квартире
похож на огромного пятилетнего ребенка
с крепкими ногами и хохлаком на затылке
когда он полусонный целует меня утром.
Когда присмотришься поближе
голова у него полуседая, а борода почти белая.

Много лет назад я жила с другим мужчиной.
он любил слушать джаз голый.
У него были длинные мышцы футболиста,
он любил философию, старые книги,
и у него был дурной нрав.
Я еще вспоминаю — он любил нашего кота Гришу.
У нас был красный чайник, который мы звали Пинк Флойд
за его залиvistый свист, и пепельница
переплетенная в красную кожу,
которую я подарила мужу на день рождения.

Наш сын признался мне через десять лет
что он выбросил ее в окно
после того, как отбил от нее кусочек стекла
чтоб отец не орал.

Он мне сказал, что до сих пор чувствует себя виноватым
когда вспоминает красную пепельницу
на белом московском снегу.

Мой отец считал, что мне можно выйти замуж
только за человека с интересом к философии и шахматам.
Мой муж отвечал этим требованиями
но наш брак оказался стихийным бедствием.
Когда отец перестал с ним разговаривать,
они продолжили молча играть в шахматы.

Сейчас я живу с мужчиной, который, как отец,
задает один и тот же вопрос несколько раз в день.
Мой отец, профессор биологии, знал восемь языков
но забывал что он ел на обед.
Однажды он пошел на лекцию повязав два галстука.
Мой муж на ходу дает блестящую лекцию
по истории искусства
когда мы проходим мимо старого здания
или заходим в галерею,
но он теряет очки каждый день.

Мы собираемся в Москву
и я разбираю старые бумаги.
Я больше не выгляжу как девушка на старом заявлении
о подаче не гринкарту:
молодая женщина на фотографии худая,
с длинными волосами.
В ее глазах потеряность нового иммигранта
и надежда.
Что же произошло с ней?

В ЛОНДОНЕ ЛЬЮТ ДОЖДИ

В Лондоне льют дожди,
какая новость.
На окне паба объявление:
«Пиво — это прекрасный утренний напиток!»
Голуби рассеяно клюют
в поисках червей в воде
на залитых ливнем тротуарах.
Мокрые листья клена
прилипшие к автомобилям
застрявшие в кустах
гораздо больше и круглее
чем листья канадского клена
с острыми углами.
Ты так давно живешь вдали от места
где родилась
что уже не помнишь
как выглядел кленовый лист
там, в детстве.
Внизу, в метро,
плакат института сексологии
предлагает раздеть свой мозг.
И так тут забко
сквозняк холодный
дует в спину
на эскалаторе
и дальше следует
по направлению
к Центральной линии
и Оксфорд стрит.

К ЮГУ ОТ ЮНИОН СКВЕРА

Бродвей освещен высокими колоннами окон на темном фоне.

Студентка которая не подозревает что одета как шлюха входит в «Whole Foods» в поисках органических хлопьев.

Стрэнд, остров из книг, напечатанных на бумаге, тает с такой же скоростью

как снежные шапки на вершинах в Гренландии.

Башни церкви Благодарения подсвечены сзади в круглом готическом окне дома в саду

мерцает желтый абажур.

Должно быть, священник готовится к завтрашней проповеди

или, может быть, ищет эротику на интернете

пока его суровая жена горестно вздыхает во сне.

Она переживает климакс и депрессию

а он, как многие мужчины его возраста,

предпочитает обслужить себя, вместо того

чтобы разбираться с ее сменной настроений и раздражением или работать над улучшением их отношений.

Молодые люди покупают халальный кебаб и фалафель с лотка на колесах

женщина прогуливает собаку и орет на дочь по телефону.

Сегодня на каждом квартале построено

по аптеке и банку

как в русском проклятии

когда кому то желают работать всю жизнь на лекарства.

И все же Бродвей

полный жизни

как улей гудит всю ночь как улей гудит всю ночь

напролет.

РОЖДЕСТВО

Фантом Счастливого Американского Семейства
Нависает над F.A.O. Schwartz,
Над магазином Apple на Пятой Авеню,
Над елкой в Рокафеллер Центре
И конкобежцами на льду.
И над бродвейским театральным кварталом
как тень Кинг Конга.
Скорые истерически воют
в пробке на Сорок Седьмой стрит.
Очередь из туристов у входа на парковку,
баррикады из человеческого мяса
завернутого в пуховые парки.
Пошли бы вы на три бувы, ребята!
Я не родилась в Америке!
Еврейский скепсис и русский нигилизм
я всосала с молоком матери.
Я родилась в Литве,
а мрачнее литовцев вряд ли есть люди на свете.
Кто избрал семейные ценности?
Гитлер?
ККК для женщин — Kinder, Küche und Kirche?
Фармацевтические фирмы продают
кучу лекарств от депрессии в декабре.
Не забудьте добавить пакетик Прозака
к бесплатному супу и свертку с продуктами
для бедных.
Лично я праздную рождество с китайцами
в Чайнатаун.
Иммигрантская солидарность — евреи празднуют
рождество
закусывая Пекинской уткой и Чоу Фан.

Меня как гальку прибивает
к тому же берегу снова и снова,
невзирая на продолжительный
путь в отдалении,
на мечту покинуть тот край
где ДНК погибшей семьи,
чернозем смешанный с кровью
производит душистый черный литовский хлеб.

Потребность в забвении постепенно
превратилась в потребность запомнить,
отдать дань памяти об умерших родственниках
среди них — о стодвухлетней прабабушке
которую по какой то непонятной причине
было необходимо убить
до того, как я родилась.

Я сожалею о том, что знаю этот язык
и понимаю прекрасно
что все осталось, как было, не изменилось почти или
вообще, не стало лучше.
Неведенье способствует самообману
помогает видеть лишь то
что лежит на поверхности —
нежные зеленые луга,
кривые улочки средневековые
легкий ветерок на них
шевелит листья старых лип.

Ты думаешь что навсегда покинула
страну
убежать из которой мечтала
с двенадцати лет.
Ты прожила несколько разных жизней
в странах к востоку и западу от нее...
Какие то из этих жизней завершились и оказались
успешнее
чем другие
некоторые никогда не закончились
и их смысл так и не прояснился
как для читателя
так и для самого автора.
Смысл каких-то из них
прояснился гораздо позже
или нет
из недошитых швов свисают нитки...
И все же кривые улочки
наверное
навечно отпечатались в подкорке
как импринт у Лоренцовских гусят
бегущих за гусыней.
В каждом новом городе
тыловишь себя на том
что ищешь напоминания
об этом странном северном барочном готическом
классическом
провинциальном, сонном и магическом городе
чья камни многократно были омыты кровью
во время стольких мятежей
и смен правительств за один год
как, например, 1918-й.
Все, что эти перемены роднило меж собой,

это то, что каждый раз новая перемена власти
кончалась погромом
убивали окола сотни евреев
которых обвиняли в том
что кто-то стрелял из окошка
или новые власти обвиняли их в том
что они приветствовали старую власть.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Влажная духота в сабвее
как в закрытом бассейне...
Где то в России
одетые в школьные формы дети
с тяжелыми осенними букетами астр и хризантем
отправляются в школы первого сентября...
Родители щурятся на солнце, пускают слезу
щелкают своих Маш и Петь
потом слушают речи директоров
в зеленых дворах квадратных кирпичных школ.
Выцветшие от времени воспоминания
превращаются в такое же ретро
как брюки-клеш — для двадцатилетних.
В конце пьесы профессор Серебряков
перед тем как уйти со сцены
говорит дяде Ване:
батенька, надобно дело делать.
А что ж еще нам остается
говорит мне приятель
пожилой французский скульптор
переехавший в Нью Йорк
по какому-то своему, непонятному делу.

ПОЛИТИЧЕСКИ НЕКОРРЕКТНЫЕ ВИРШИ

Почему на телевидении женщины всегда убегают от убийц и насильников на высоких каблуках?

Почему русские всегда создают огромные очереди на посадку в самолет в аэропортах, и не только?

Почему у женщин с пышными длинными волосами часто и внушительный зад предлагается в комплекте?

Почему самые славные мужики обычно живут со страшными стервами?

Тощая анорексическая стерва — она что, лучше чем большая и толстая?

Почему русские ассоциируют поляков с культурой, например с Адамом Мицкевичем и Анджеем Вайдой а американцы с анекдотами про тупых поляков неспособных заменить перегоревшую лампочку?

Почему наша секретарша Энн, которая работала в психиатрической клинике в Кони Айленд спросила меня, все ли русские евреи?

Почему она и другие клерки говорили ''I aksed him» и «I says to him» на своем английском?

Почему у мистера Торино, который выглядел как Сопрано, была тайная комната в клинике, которая находилась в бывшей конфетной фабрике Торино?

Почему наш директор Брюс любил сидеть один в затемненном кабинете и играть в теннис в рабочее время?

Почему его секретарша Сильви угрожала рассказать что то его жене, и почему она исполняла танец живота на наших рождественских вечеринках?

Почему наш техник, красивый парень, бывший ветеран войны во Вьетнаме Роберт должен был стоять на дверях, когда раздавали пасхальное пособие для неимущих, чтобы русские их не сломали?

Почему студенты, с которыми я училась в Хантер Колледже, спрашивали меня, все ли русские носят кожаные пальто и покупают икру на фудстемпы?

Почему русские посетители спрашивали, где можно починить вставные челюсти и получить ортопедическую помощь, обращаясь в психиатрическую клинику?

Почему Ксения Петровна, учительница литературы из Ленинграда, с двумя невротическими сыновьями, один из которых любил онанировать, глядя на ее фотографию, где она была снята обнаженной до пояса ее покойным мужем, сказала Марии, что в ее семье Эдипова комплекса никогда не было?

Какая щедрая осени!
 Цвета бледного золота свет ренессансный
 спускается вниз
 по зданиям девятнадцатого века
 освещает мавританские колонны и окна
 в этот необычайно теплый
 посреди ноября день.
 Поцелуй прощальный
 осени уходящей,
 роскошной, тянущей за собой
 из листьев зеленых бронзовых
 цвета охры шлейф.
 Витебск Шагалла
 реббе и скрипачи летающие
 над штетлом
 евреи убегающие от погрома.
 Двина течет
 Марк и Белла
 с гигантской голубой рыбой
 плывут в воздухе
 вдоль реки
 Распятый еврей
 В набедренной полосатой
 повязке из талеса
 взирает сверху
 на избранных
 скитаться
 избранных страдать.

Ты помнишь аксеновские «Апельсины из Марокко»?
 Америку Фолкнера,
 Хемингуэя и Фланнери О'Коннор,
 Вилледж Гертруды Стайн и легендарных клубов —
 Blue Note, FatTuesday, The Village Vanguard?
 Вкрадчивый бас Виллиса Коновера
 объявляющий джазовый час для русских
 пытающихся поймать оптимистические аккорды
 «Take the A Train» на своих Спидолах.
 Поезда сабвея, в которых я добиралась
 из Квинса в Кони Айленд,
 были неприглядны —
 вагоны были
 разрисованы граффити
 и безвоздушны — в них окна были полуоткрыты
 тем летом восемьдесят первого.
 Я помню, как я с удивлением
 наблюдала струйки пота
 катившегося вниз по моим ногам
 из под единственного приличного
 еще московского
 летнего платья.
 Клиника на Вест Восьмой
 находилась в бывшей конфетной фабрике
 расположенной над русским дели
 там у дверей мрачно курили
 иммигранты недобритые
 шоферы из кар сервиса
 под названием Луна Парк.
 Владелец дели, родом из Одессы,
 там торговал копченой рыбой
 и колбасами свинными

близко не лежавшими к правилам кашрута воздух был пронизан душераздирающими звуками песен Шуфутинского чуть ли не с самого утра.

В психиатрической клинике на верхнем этаже там, где лечились иммигранты из Советского Союза, среди персонала также попадались иммигранты — кубинец, поляк, два москвича грузинский психиатр-резидент страдавший от проблемы выбора меж сексуальных предпочтений и другие.

Брайтонские жители являлись в поисках ортопедиста, специалиста по челюстям вставным, фудстемпов, а также с жалобами на депрессию, сексуальные проблемы и чувство вины перед семьей, оставленной в совке.

Жизнь пр-о-х-о-д-и-л-а по расписанию визитов пациентов и в перерывах — в общении с коллегами — моей преподавательницей из МГУ и ее сыном-психологом, художником и азартным игроком с кавказским психиатром-резидентом запутавшимся

среди своих любвей и умненькой очкастой практиканткой из бывших правозащитников еврейских.

ПТИЦЫ ЛЕТАЮЩИЕ НА ЮГ

Кровать в доме моей подруги
была у окна
выходящего на север.
Они меня разбудили
огромная стая птиц
крылья колотились
о стекло
шумные как
торговцы рыбой
на бангкокском
рынке в Чайнатаун.
Какие то их них
приземлились
на плакучей иве
у пруда
потом в конце концов улетели
парочка опоздавших
прилетели и стали
курлыкать:
а я
а я?
Годы летят стремительно
как страницы книги
перелистывающиеся на ветру
после тридцати
говорила моя свекровь
Тамара Петровна.
«Я не понимаю
как можно грустить
в двадцать три.
Я б скакала на одной ноге
и пела в двадцать три».
Стареть — это плыть
по течению реки

которой безразлично
держишься ли ты
на плаву.
Ляг на спину
вдохни поглубже
смотри на птиц
мигрирующих на юг
расслабься
наблюдай как серафимы
в канделябрах
свечи зажигают по одной
в огромном замке
смеркающихся небес.

НА ПОЕЗДЕ ИСТ КОУСТ ЭКСПРЕСС

Все здесь миниатюрнее
сырое английское небо
коричневые дома с островерхими черепичными крышами
трава в конце ноября все еще изумрудного цвета.
В меру закругленные холмы
городки на почтительном расстоянии друг от друга
с иногда попадающимися между ними
красными кирпичными церквями.
Я живу в стране огромных хайвеев, тараканов
и яблук уже более чем полжизни.
И все же европейский пейзаж успокаивает,
я бы даже сказала — умиротворяет.
Электрические поезда
комфортабельны,
несутся куда-то бесшумно
но вид старого моста
из под которого мы выезжаем
и заброшенных ржавеющих рельсов
с кустиками и травой
пробивающимися
меж ними
вызывают обонятельно-слуховую
галлюцинацию из прошлого
запаха горящего угля в топке
поезда издающего
громкие ритмические звуки
колес ударяющих
стучащих по рельсам
и свистков протяжных
и длинных тоскливых
как мычание теленка
зовущего матку.

НОКТЮРН НОМЕР 2

Пытаться утешить кого-то
не будучи священником, раввином
или сестрой милосердия
тяжелая задача
особенно, когда твой пациент
нестарый
но большой смертельно
блестящий человек
у которого отношения с религией
сводятся к вере
в отличный секс с шиксами
силу рационального разума
удовольствие от путешествий
по свету
где он насмерть очаровывал незнакомцев
во всех странах.
Ты сама не принадлежишь
ни к какому клубу
который предложил бы тебе членство.
С тех пор как папа
сказал, что не хочет, чтобы ты
вступала в пионеры,
и объяснил тебе что человек
с мозгами должен бежать
в сторону противоположную той
куда бежит толпа,
ты следовала этому правилу
сознательно или нет
уходила с комсомольских собраний
в МГУ
вышла за замуж за гоя
в то время, как вся мишпоха
улетала вереницей

на Священную землю
оставила этого гоя
ради другого
которого много лет
не могла терпеть
уехала в Америку
когда вся родня поселилась
на другом континенте.
Твои отношения с стариком
который там, наверху
непонятны
хоть иногда ты веришь
что Он тебя должен слышать
и естественно обращаться к нему
ежедневно с просьбами
по поводу твоих близких
гораздо реже —
самой себя.
И все таки ты веришь
что деликатная душа
твоей прекрасной, доброй, но сильной мамы
есть где-то
скорей всего, поглядывает за тобой
и за своим любимым Сашенькой.
Трудно ведь поверить
что вещи такой чистоты и совершенства
могут исчезать бесследно.

В КАФЕ ДИН И ДЕЛУКАС

Ты был бледен в тот день,
у кожи был желтоватый оттенок
и на лице то ли усталость
по ли сдерживаемая боль.
Ты почти не прикоснулся к своему кофе
потом я проводила тебя
до твоей остановки.
Ты любил контролировать происходящее.
От того, что ты скрыл
что времени было на доннышке
ты сумел удалиться изящно
как будто кто то вышел и тихонько
притворил за собой дверь.
А у меня перехватило воздух в глотке
и небо внезапно померкло.
Ты терпеть не мог ритуалы
и поэтому испарился как дождевая влага
когда солнце неожиданно является из туч.

В ту встречу
которая, как впоследствии оказалось,
была последней,
ты спросил
не буду ли я тосковать по тебе.

А я как всегда торопилась
в душе боясь услышать
что нибудь сакраментальное.
Мы так с тобой
и не простились.

ТЫ ГОВОРИЛ

Ты говорил
что любил слушать
когда я рассказывала
как прошел мой день
на работе. Просто
слушал меня
не перебивая
с добродушным интересом.
Просто вставал мыть посуду
после приготовленного мной обеда.
Просто не тормозил меня
когда мы смотрели
фильм *Лины Вертмюллер*
в постели.
Просто я засыпала
у тебя на коленях
и ты продолжал
смотреть тихонько
меня не будя
с сигаретой в одной руке
глядя меня по голове
свободной.
Просто мне этой
тишины
этого покоя
так не доставало
как бегущему марафон
передышки.
Я и сейчас вспоминаю
эти паузы
в музыке
эту остановку в пустыне
этот глоток

родниковой воды чистой
перед тем
как снова седлать коня
перед дальней дорогой
пыльной и каменистой.

ПОСЛЕДНИЙ АВГУСТОВСКИЙ ДЕНЬ

Сквозь прореху в удущающем одеяле жары
глоток легкого ветра — предчувствие осени
трава все еще зеленеет
листья уже зелено-желтые.
Город одновременно расслабленный и оживленный
в кафе Интеллигенция ненормально крепкий эспрессо
в сенях церкви напротив толпятся люди в летней одежде
по поводу крестин то ли свадьбы то ли похорон.
Время течет безотнositельно к радостям или страданиям
люди-муравьи на Хайлайн глазеют сверху на Гудзон.
снизу они похожи на игрушечных индейцев или ковбоев.

ФЕВРАЛЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Мело всю ночь.
вихрь крутил снег и подбрасывал вверх высоко
выше окон,
за ночь разукрашенных ледяными водорослями.
Наутро улица была освещена скучным холодным светом
и превратилась в нечто ошеломительное.
Белые канделябры деревьев окружали засыпанную снегом
готическую церковь
брошенные велосипеды и машины превратились в
елочные игрушки.
Ты сама превратилась в смешную девчонку в школьной
форме
и пионерском галстуке с блестящими косичками
заплетенными в тугие бублики
с отцом в книжной лавке на Басанавичюс листопадную
книжки
в восторге от картинок
где нарисован был Щелкунчик или Карлик Нос на
глянцевой бумаге
в прекрасных импортных детских книжках
так непохожих на советские учебники
напечатанные на серой бумаге.
Волшебный день снял проклятье безрадостной зимы
каравана серых дней незаметно переливающихся один в
другой
помеченных меланхолией середины зимы
и желаньем острым покинуть пациентов и домашних
ударить на безлюдный остров
и предоставить человечеству возможность взять на себя
заботу о себе.

КАФЕ КОСМОС

Не выходи из комнаты
сказал поэт
и был прав.
Ничего там нет
кроме сырости
мокролипнущего снега
философского диалога
карр... каррр...
ворон за окном
или может быть
это просто бытовая перекличка:
я был первый
в очереди за этим червем
или — как у старых друзей —
тяжело стало прыгать
с ветки на ветку
радикулит и под
левым крылом свербит.
Наконец то построили
коммунизм —
в Охотном Ряду
ряды лавок
с китчевой модой для масс
в киосках квас
и хотдоги в кляре .
На бывш. Улице Горького
лишь два слова кириллицей:
Аптека и Космос
вместо кафе мороженого
банк.
Банки дерутся за прибыль как пауки в банке.
Нет больше Космоса
нет блондинки с заезжим грузинном

вопроса — а шампанское будем
заказывать?
Нет и меня с Ленкой
студентов восемнадцатилетних
и турка посольского
в роскошном сером
подбитом мехом пальто
которому кто-то там
прокрутил динамо.
К его счастью, я говорила
чуть-чуть по французски
и он понимал английский.
Он потом невинно и долго ухаживал
за нами обеими
приносил в кафе шоколад бельгийский.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Влажная духота в сабвее
как в закрытом бассейне...
Где то в России
одетые в школьные формы дети
с тяжелыми осенними букетами
астр и хризантем
отправляются в школы первого сентября...
Родители шурятся на солнце, пускают слезу
щелкают своих Маш и Петь
потом слушают речи директоров
в зеленых дворах квадратных кирпичных школ.
Выцветшие от времени воспоминания
превращаются в такое же ретро
как брюки-клеш — для двадцатилетних.
В конце пьесы профессор Серебряков
перед тем как уйти со сцены
говорит дяде Ване:
батенька, надобно дело делать.
А что ж еще нам остается
говорит мне приятель
пожилой французский скульптор
переехавший в Нью-Йорк
по какому-то своему, непонятному делу.

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ

Почему то приходят в голову
люди стреляющие в докторов
делающих аборт
завтраки
которые они едят
из шести эмбрионов цыплят
пожаренных на масле
из жира мертвых животных.
На противоположной
платформе сабвея
женщина ходит взад вперед
беседуя сама с собой.
Трудно не замечать
потенциальных пациентов
за пределами
своего офиса
не врубаться
в психиатрический справочник
автоматически.
Дейвид, мой покойный друг
блестящий психиатр
говорил мне
что хорошо воздерживаться
от того чтоб
диагностировать друзей.
Здравый ум
стал относительным условием
для политиканов
эксплуатирующих
самые темные инстинкты избирателей.
Сегодня мир выглядит довольно
мрачным.
Мой друг живет в России

в Подмоскowie
он больше не включает телевизор
а смотрит фильмы пятидесятих
где юные стахановцы
и многостаночницы
бодро и с песнями
строят пятилетки
Любовь Орлова
в косыночке
перевыполняет план.
Формула счастья
как хлеб проста —
война уже кончилась
народ не голодает
из радиоточки на кухне
несутся не только марши
Куда куда вы удалились,
Козловский жалобно поет
народу не подозревающему
что Петр Ильич
предпочитал мужчин.
И пионеры юные
получают письма и подарки
к первому мая и седьмому ноября
от сверстников на Кубе
и в Болгарии.

ВИЛЬНЮС – А СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОН

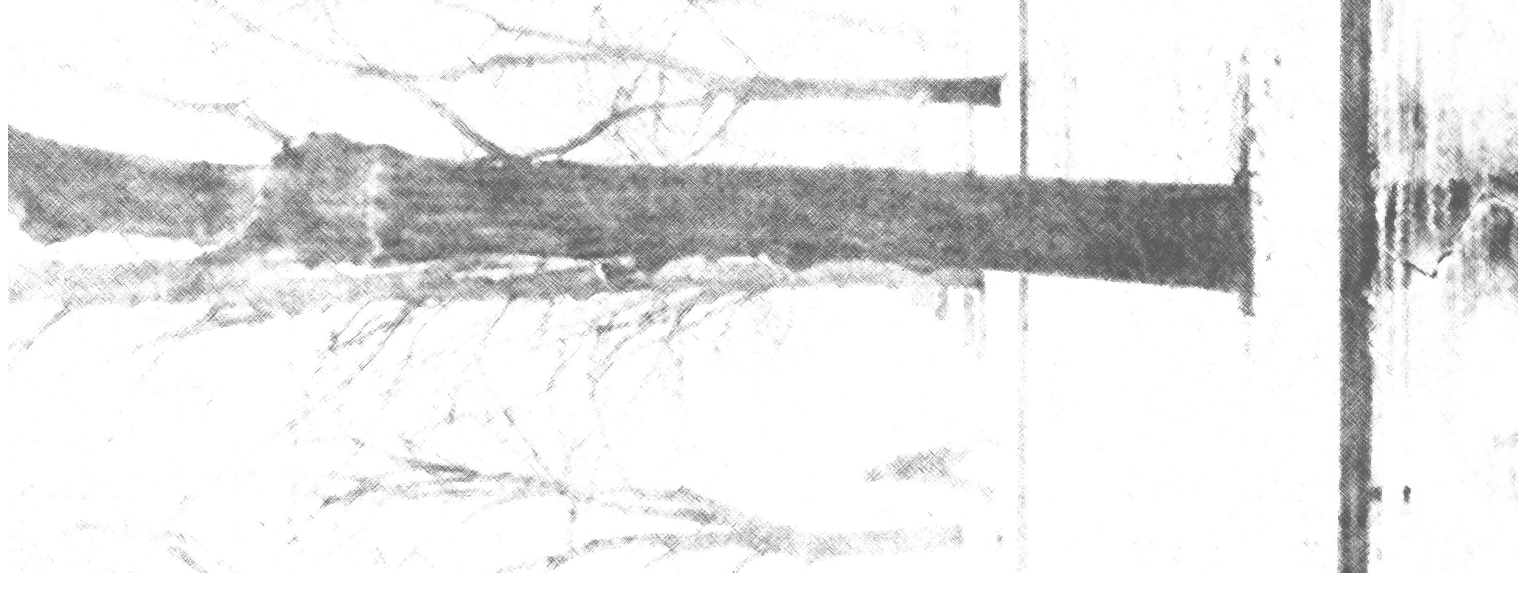
по мотивам «Ехать в Львов»
Адама Загасевского

Когда я брожу по улицам Вильнюса
во сне наяву
в поисках того
чего там уж больше нет
не прустовских мадленок
нет
я ищу свою мать
она стоит у плиты
с кипящим клубничным вареньем
в своем синем в горошек платье
протягивая мне ложку
с розовой ароматной пенкой.
Окна во двор открыты настезь
там деревянные сараи
закрыты на замок
а иномарок и вообще машин там нет.
Музей Толерантности — это еще
кинотеатр Пиониерюс.
В то время работающих кинотеатров
там было больше
чем церковей открытых.

Наша соседка по квартире
театральная портниха
шьет платье для меня
из клетчатой шотландки
на машинке Зингер с ножной педалью.
Отец играет в шахматы
со своим партнером
Синьорасом из газеты «Literatura ir Menas»
до самого рассвета.

Через дорогу от Хроники
в платках старушки
в парке у стены
продают букеты синих васильков
и красных и розовых пионов.
Уже июль
дорожки в парке
покрыты пожелтевшими стручками
с зернышками
под рядами старых лип и кленов.

Мне четырнадцать
мы еще не переехали на Антакальнис
из старой квартиры на Пилимо.
У нас уже в квартире ванна
с газовой колонкой
поставленная моими родителями.
Прошлым летом
когда я показывала сыну
дом, где выросла
в спальне родителей
мужчина в майке-безрукавке
строгал полы машинкой
вид на старый город
из комнаты портнихи
был так же волшебен
каким казался мне в шесть лет
дверь в ванную была полу-открыта
и ванна старая
все с той же газовой колонкой
там так и были — уже антиквариат.

содержание

Предисловие Ю. Милориа	5	Тишина.....	5
1		Я вечный жид	
О, где же красота в нашей жизни?	1	Anesthesia Dolorosa.....	
Свадьба в Челси	1	Между праздниками Рош Хашана и Йом Кипур	
В Вильнюсе летом очень приятно	1	Свидание.....	
Ода Нью-Йорку.....	1	Мои мужчины.....	
Вильнюс.....	1	В лондоне льют дожди	
Так бывает только впервые.....	1	К югу от Юнион Сквера	
2			6
Рим, ноябрь 1979 года.....	1	Рождество	
Вена.....	1	Литва	
Прощание	1	Балтийская элегия	
Транзит	1	Первое сентября	
3		Политически некорректные вирши	
В Венеции.....		Париж-Витебск, 1930-е	
Письмо путешественника		Кони Айленд.....	
Просто и понятно		Птицы летящие на юг	
Прогулка в одиночестве по Старому Арбату.....		На поезде Ист Коуст Экспресс	
4			7
Заглядывая снаружи		Ноктюрн номер 2.....	
Из писем в Россию		В кафе Дин и Делукас	
Сон.....		Ты говорил	
Длинное стихотворение про Вильнюс		Последний августовский день.....	
Из жизни поэта		Февраль в Нью-Йорке	
		Кафе Космос.....	
		Первое сентября	
		Формула счастья	
		Вильнюс — а существует ли он.....	

Литературно-художественное издание

Анна Гальберштадт
transit

Редактор — *Евгений Степанов*
Макет, обложка — *Юлия Гельман*
Корректор — ...

Сдано в набор 01.04.2016.
Подписано в печать __2016
Бумага __. Формат 60х84/¹⁶
Гарнитура Conqueror
Тираж 300 экземпляров

109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75
Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73